

Людовику XIII
Христианнейшему Королю Французов и Наварры

Эта книга, превосходнейший из королей, дерзает начертать твое августейшее имя не из тщеславия, не из самоуверенности автора, но ради трактуемого в ней предмета, ибо она написана в защиту Справедливости. Эта добродетель столь свойственна тебе, что за свои доблести молвою рода человеческого ты почтен наименованием наиболее достойным такого великого короля, так что уже повсеместно ты известен под именем Справедливого не менее, чем под именем Людовика. Римских полководцев прельщали прозвища, заимствованные у народов Крита, Нумидии, Африки, Азии и прочих покоренных народов. Но насколько славнее твое имя, потому что тебя всюду и всегда называют противником и победителем не какого-либо народа или человека, а несправедливости! Великими считали себя египетские цари, если молва приписывала одним из них любовь к отцу, другим — к матери, третьим — к братьям. Но это лишь наименее важное свойство твоего имени, которое объемлет не только эти качества, но и все, что только можно вообразить прекрасного и достойного. Ты справедлив тем, что, подражая своему отцу-королю, считаешь память его, превосходившего все, чему только можно дать имя величия; ты справедлив, воспитывая своего брата всеми способами, но лучше всего — своим собственным примером. Ты справедлив, украшая своих сестер блестящими бракосочетаниями. Ты справедлив, оживляя почти похороненные законы и, в меру возможности, сам препятствуя падению века в бездну. Ты справедлив, но одновременно милосерден к подданным, коих неведение твоей благодати отвратило от стези долга, не отнимая у них ничего, кроме свободы совершать преступления, не творя насилия над совестью иноверцев. Ты справедлив и одновременно милосерден, поддерживая своей властью угнетенные народы и униженных государей и не давая воли Фортуне.

Эта свойственная тебе благотворительность, столь сходная с божественной, насколько это доступно человеческой природе, побуждает также и меня воздать тебе в этом официальном обращении благодарность, в частности, от своего имени. Ибо подобно тому как небесные светила изливают свою силу не только на великие сферы Вселенной, но допускают, чтобы их влияние простиралось на отдельные живые существа, так и ты, благосклонное земное светило, не довольствуясь возносить государей, поддерживать народы, пожелал быть защитой и утешением также мне, подвергшемуся гонениям на родине. Чтобы завершить полный круг твоей справедливости, к деяниям государственным следует добавить непорочность и чистоту твоей частной жизни, достойной удивления не только для людей, но даже и для бесплотных духов. Ибо много ли людей из простого звания и даже из числа удалившихся от мира настолько избегло заблуждений, как ты, по своему положению так осаждаемый отовсюду бесчисленными соблазнами? Какое величие

в том, чтобы среди всяких дел, толпы, двора, среди стольких примеров прегрешений следовать совершенству, которое другим едва лишь доставляет, а часто даже и не доставляет уединение? Заслужить в этой жизни не только имя Справедливого, но также и имя Святого, присвоенное твоим предкам — Карлу Великому и Людовику — после их смерти согласием благочестивых людей, — это значит быть христианнейшим не по праву преемства, но по собственному праву. Но хотя ни одно из свойств Справедливости не чуждо тебе, тем не менее то, что составляет предмет этой книги, то есть касается целей войны и мира, потому, собственно, относится к тебе, что ты — король и именно — король французов.

Велико твое королевство, раскинувшееся на обширных пространствах столь благословенных земель до берегов двух морей, но власть королевская величественнее этого королевства, поскольку ты не притязашь на чужие королевства. Достоинство твоего благочестия, достоинство твоей высокой участи — не посягать с оружием в руках на чье-либо право, не нарушать старинных границ, но во время войны блюсти дело мира и начинать военные действия не иначе, как с намерением окончить их возможно скорее. Когда Господь призовет тебя в свое царство, единственно превосходящее твое, сколь прекрасно, сколь достославно, сколь сладостно для самой совести будет иметь дерзновение сказать: «Этот меч я принял от тебя ради защиты Справедливости и отдаю тебе, не осквернив его кровопролитием, чистым и непорочным». Свершится то, что правила, извлеченные ныне нами из книг, в будущем проистекут из твоих деяний, как бы из совершеннейшего образца. Хотя они и велики, все же христианские народы дерзают ожидать от тебя еще большего, а именно: чтобы после прекращения повсеместно войн мир по твоему почину воцарился не только между государствами, но и между церквами и чтобы наш век научился блюсти учение того времени, которое все мы, христиане, с истинной и искренней верой признаем христианским. В наши сердца, утомленные распрей, подобную надежду вселяет дружба, возникшая недавно между тобою и мудрейшим и наиболее склонным к этому священному миру королем Великобритании, дружба, скрепленная многообещающим браком твоей сестры. Трудна задача из-за взаимного соперничества, воспламеняемого со дня на день разгорающейся ненавистью. Но нет ничего более достойного столь великих королей, чем дело трудное, недостижимое для всех прочих. Пусть же бог мира, бог правды, о король праведный, король миролюбивый, увенчает твое величество, столь близкое его величию, всеми прочими благами и вместе с тем столь великою славой!

MDCXXV

Пролегомены к трем книгам о праве войны и мира

I. Многие пытались снабжать комментариями или излагать в сокращенном виде как римское, так и свое отечественное, внутригосударственное, право; напротив, лишь немногие касались, но никто до сих пор не излагал в целом и в последовательном порядке того права, которое определяет отношения между многими народами или их правителями и которое имеет источником самую природу или установлено законами божескими, или же введено нравами или молчаливым соглашением. Между тем такой труд представляет интерес для человечества.

II. Цицерон справедливо превозносил эту науку, касающуюся союзов, договоров, соглашений народов и государей с иноземными народами и охватывающую все право войны и мира в целом. И Еврипид эту науку предпочитает познанию вещей божеских и человеческих, влагая в уста Феоклимены следующее восклицание:

*Позор — знать настоящее людей и небожителей,
А также и грядущее, а правды не познать!*

III. Подобный труд тем более необходим, что ни в нашем веке, ни в прежнее время не было недостатка в таких людях, которые столь презрительно относились к этой отрасли права, как если бы не существовало ничего, кроме ее пустого названия. Почти у всех на устах изречение Евфимия, приведенное у Фукидида¹, которое гласит, что ни для государства, ни для государя, облеченного верховной властью, нет ничего несправедливого в том, что для них выгодно; с этим сходно другое изречение, что для тех, кто на вершине благополучия, справедливость на стороне силы и что нельзя править государством, не нарушая справедливости. К тому же, если между народами или государями возникают разногласия, то почти всегда судьей между ними оказывается Марс. Однако не только простой народ держится того мнения, что война совершенно несовместима с правом, но даже у мужей ученых и благоразумных нередко прорываются изречения, благоприятствующие такому мнению. Ибо ничто столь часто не противопоставляется одно другому, как право и война. Ведь и поэт Энный сказал:

*Не по праву твердой рукой, но пуще железом
Исторгается вещь.*

А Гораций так описывает бешенство Ахилла:

Все попирает права, на все посягая оружием.

А другой поэт приводит такие слова другого воителя, отдающего приказ начать военные действия:

Здесь покидаю я мир и право, попранное силой.

Антигон в старости поднял на смех того человека, который ему, бравшему приступом чужие города, поднес трактат о справедливости.

А Марий утверждал, что до него не может дойти глас законов, заглушаемый звоном оружия². Даже сам Помпей, столь правдивый в своих выражениях, решился заявить: «Могу ли я помышлять о законе, когда я вооружен?»³

IV. У христианских писателей встречается много речей в том же смысле; взамен многих других достаточно привести мнение одного Тертуллиана: «Хитрость, жестокость, преступление составляют удел сражений». Кто полагает так, тот, вне всякого сомнения, стал бы возражать нам следующими стихами из комедии:

*Когда достигнуть спорного
Ты хочешь тем не менее на основании разума,
То, кажется, решился ты смешать безумье с разумом.*

V. А так как поднимать спор о праве было бы напрасно, если бы право само по себе не существовало, то в виде напутствия и для защиты нашего труда от нападков надлежит дать краткое опровержение этого глубочайшего заблуждения. Впрочем, чтобы избежать спора с толпой противников, дадим ему защитника. И кого же предпочесть, как не Карнеада, который достиг такого совершенства, увенчавшего его Академию, что мог обратить силу своего красноречия в пользу лжи ничуть не менее, чем в защиту истины. И вот, когда он предпринял защиту справедливости, то есть именно то, чем мы преимущественно заняты, он не нашел ни одного доказательства сильнее следующего: люди установили в свою пользу права, различающиеся сообразно нравам и у тех же самых людей нередко меняющиеся с течением времени; что же касается права естественного, то такое не существует вовсе, ибо все люди и прочие живые существа по природе стремятся к своим выгодам: оттого справедливости или нет вовсе, или, если и существует какая-нибудь справедливость, то она есть величайшая глупость, ибо кто станет заботиться о чужой выгоде, тот вредит себе.

VI. Однако отнюдь нельзя допустить того, что говорит этот философ и вслед за ним повторяет поэт, что якобы

Правды не может природа ничем отличать от неправды,

ибо человек, конечно, есть живое существо, но высшего порядка, гораздо более отличное от всех прочих, чем различного рода другие животные различаются между собою; это доказывают многие поступки, свойственные человеческому роду. К числу свойств, присущих человеку, относится стремление к общению, или, что то же, общительность, но не всякая общительность, а именно — стремление к спокойному и руководимому собственным разумом общению человека с себе подобными: то есть то, что стоики называли «ойкейосис» [приобщением]⁴. Оттого-то и не следует в качестве всеобщего правила утверждать, будто каждое животное по природе стремится только к собственной пользе.

VII. Правда, и прочие животные несколько сдерживают стремление к своим собственным выгодам, отчасти ради своей потомства⁵, отчасти же ради пользы других представителей той же породы; но мы полагаем, что это проистекает в них из некоего внешнего разумного начала, так как, что касается иных их действий, не более сложных, то в них не проявляется равная степень разумности. То же самое должно сказать и о детях, у которых даже до получения ими какого-либо воспитания обнаруживается некоторая склонность к благожелательности, тонко подмеченная Плутархом, подобно тому как в этом же возрасте произвольно прорывается сострадание. Что же касается человека взрослого, способного действовать сходным образом при одинаковых обстоятельствах, то наряду со свойственной ему преобладающей склонностью к общению⁶, для чего он один среди всех живых существ одарен особым органом речи, следует признать присущую ему способность к знанию и деятельности согласно общим правилам; однако эти способности, свойственные человеку, свойственны отнюдь не всем живым существам, но присущи только человеческой природе.

VIII. Такое соблюдение [правил] общежития⁷, изображенное нами лишь в общих чертах как присущее человеческому разуму, есть источник так называемого права в собственном смысле: к нему относятся как воздержание от чужого имущества⁸, так и возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания.

IX. Из такого понятия права вытекает другое, более широкое, поскольку человек перед прочими животными имеет не только способность к общению, о чем уже было сказано, но и силу суждения для оценки того, что способно нравиться или причинять вред как в настоящем, так и в будущем, а также того, что может приводить к тому и другому. Понятно, что человеческой природе свойственно, в согласии с разумом, в этих обстоятельствах руководствоваться здравым суждением и не уступать ни угрозам страха, ни соблазнам доступных удовольствий, и не предаваться безрассудному порыву; а то, что явно противоречит такому суждению, следует рассматривать как противное также естественному праву, а тем самым — и человеческой природе.

X. Сюда же относится благоразумная соразмерность в безвозмездном распределении между отдельными людьми и обществами причитающихся им благ, с оказанием предпочтения при таком наделении то мудрейшему перед менее мудрым, то родичу перед чужестранцем, то бедному перед богатым, поскольку это сообразно с действиями каждого и природой каждой вещи⁹. Издавна уже и весьма многие признают эту отрасль частью права в тесном смысле слова, между тем как это самое право в собственном смысле слова имеет весьма отличную природу, потому что оно состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже

принадлежит, и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности.

XI. Сказанное нами в известной мере сохраняет силу даже в том случае, если допустить — чего, однако же, нельзя сделать, не совершая тяжчайшего преступления, — что Бога нет или что он не печется о делах человеческих. А так как обратное этому внушено нам частью разумом, частью же непрерывным преданием и подтверждается как многими доказательствами, так и чудесами, удостоверенными в течение всех веков, то отсюда следует, что нам надлежит повиноваться беспрекословно самому Богу, создателю всего, которому мы обязаны своим существованием и всем нашим достоянием. Тем более что Бог всячески проявлял свою бесконечную благодать и всемогущество, откуда мы должны заключить, что повинующимся ему он может воздавать величайшие и даже вечные награды, будучи сам вечным, ибо ему угодно, чтобы мы этому верили, особенно потому, что сам он дал прямое словесное обещание, в чем мы, христиане, убеждены непоколебимой верой в свидетельства.

XII. А вот, кроме первого, естественного, и другой источник права, а именно — проистекающий из свободной воли Бога¹⁰, повиноваться которой беспрекословно повелевает нам самый наш разум. Но и самое естественное право, о котором мы упоминали, или та самая общительность, равно как и так называемое право в более широком смысле, хотя и проистекают из внутренних, присущих человеку начал, тем не менее могут быть с полным основанием приписаны самому Богу¹¹, потому что ему было угодно, чтобы такие начала были нам присущи: в этом смысле Хризипп и стоики полагали, что источник права не следует искать нигде, кроме самого Юпитера, и что по имени последнего, по всей вероятности, у латинян дано название самому праву¹².

XIII. К сказанному следует добавить, что данными им законами Бог сделал эти начала более доступными, даже для людей со слабыми умственными способностями; он также воспретил как в наших собственных интересах, так и в интересах других давать волю необузданным порывам, влекущим нас в противоположных направлениях, укрощая наиболее бурные порывы самыми суровыми мерами и сдерживая их в границах и справедливых пределах.

XIV. К тому же и священная история, сверх того, что содержится в ее предписаниях, немало способствует также возбуждению в нас того же стремления к общению, так как показывает нам, что все люди произошли от одних и тех же прародителей. Так что можно подтвердить с полным основанием то, что высказал некогда Флорентин в ином смысле (L. Ut vim. D. de iust. et iure), а именно, что природа установила между нами некоторого рода сродство; откуда следует, что человеку строить козни против человека есть величайшее беззаконие. Среди людей родители подобны божествам¹³, а потому дети обязаны оказывать им если не безграничное, то, во всяком случае, совершенно особого рода повиновение.

XV. А затем, так как соблюдение договоров предписывается естественным правом (ибо ведь было необходимо, чтобы между людьми существовал какой-нибудь порядок взаимных обязательств, иного же способа, более согласного с природой, невозможно изобрести), то из этого источника проистекли внутригосударственные права. Ибо те, которые вступили в какое-нибудь сообщество или подчинялись одному либо многим, тем самым или дали словесное обещание, или же должны предположить, что в силу природы самой сделки они молчаливо обязались последовать тому, что постановит большинство членов сообщества или же те, кому была вручена власть.

XVI. Словом то, что высказано об этом не только Карнеадом, но и другими, а именно, что якобы «польза есть как бы мать правды и справедливости»¹⁴, строго говоря, — неверно, ибо мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем; матерью же внутригосударственного права является самое обязательство, принятое по взаимному соглашению; а так как последнее получает свою силу от естественного права, то природа может слыть как бы прародительницей внутригосударственного права. Однако к естественному праву присоединяется также польза, ибо по воле создателя природы мы, люди, в отдельности на самом деле беспомощны и нуждаемся во многих вещах для благоустроенного образа жизни, чтобы с тем большим усердием стремиться развивать совместную жизнь; польза же послужила поводом для возникновения внутригосударственного права, ибо как самое сообщество, о котором была речь, так и подчинение возникли и установлены ради какой-нибудь пользы. Оттого-то и те, кто предписывает законы другим, обычно тем самым преследуют какую-нибудь пользу или, по крайней мере, должны ее преследовать.

XVII. Но подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть то право, которое называется правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права. Эту отрасль права полностью упустил из вида Карнеад, разделивший все право на естественное и на внутригосударственное право отдельных народов, тогда как, намереваясь толковать о том праве, которое применяется в международных отношениях (так как он толкует о войнах и вещах, приобретаемых на войне), он должен был, во всяком случае, упомянуть это право.

XVIII. Напрасно, однако же, Карнеад называет справедливость глупостью. Ибо ведь, по его же собственному признанию, гражданин, следующий внутреннему праву в государстве, отнюдь не повинен в глупости, если даже из благоговения перед правом он вынужден поступаться не-

которыми своими преимуществами; так же точно не повинен в безумии и целый народ, который не настолько соблюдает свои выгоды, чтобы ради них пренебречь общими правами всех народов; в обоих случаях смысл один и тот же. Ведь подобно тому как гражданин, нарушающий внутригосударственное право¹⁵ ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства, так точно и народ, нарушающий право естественное и право народов, навсегда подрывает основу своего собственного спокойствия в будущем. Если даже соблюдение права не сулит никакой прямой выгоды, тем не менее стремление к тому, к чему мы чувствуем влечение нашей природы, свидетельствует скорее о мудрости, а не о глупости.

XIX. Поэтому неправильно изречение, что якобы

*Страх побуждает права изобрести,
чтобы избежать насилья,*

получившее такое истолкование у одного из собеседников в диалоге Платона, что законы впервые изобретены из страха перед угрожающей обидой и что люди принуждаются своего рода силой к соблюдению справедливости. Ведь это положение относится только к тем установлениям и законам, которые должны способствовать осуществлению права на деле; так что многие сами по себе слабые, желая избежать угнетения со стороны более сильных, чем они, объединяются для установления и соблюдения общими силами правосудия, чтобы, не будучи в состоянии порознь равняться силами с могущественными, одолеть их сообща. Только в таком смысле можно признать правильным изречение: право есть воля сильнейшего; другими словами, право не получает своего внешнего осуществления, если оно лишено силы для проведения в жизнь; так, законодатель Солон, по собственному признанию, совершил великое дело,

Узами силу и право навек сочетав воедино¹⁶.

XX. Нельзя сказать, чтобы право, лишненное поддержки силой, имело никакого действия, ибо соблюдение справедливости сообщает совесть спокойствие, несправедливость же причиняет терзания и муки, подобные состоянию души тиранов, описанному Платоном. Согласно суждению людей честных одобряет справедливость и осуждает несправедливость. Но важнее всего то, что несправедливость навлекает неблагоприятие Бога, а справедливость снискивает его благоволение; он же хотя и откладывает свое суждение до будущей жизни, но нередко даже в этой жизни дает почувствовать силу своего правосудия, что подтверждается многими историческими примерами.

XXI. Между тем если многие требуют от граждан соблюдения справедливости, находя ее излишней в отношении целого народа или его правителя, то причина такого заблуждения состоит в том, что они в справедливости не видят ничего, кроме пользы, проистекающей из соблюдения права, как это очевидно по отношению к гражданам, которые порознь

слишком беспомощны для самозащиты. Дело в том, что обширные государства, располагающие всем необходимым для своей безопасности, по-видимому, вовсе не имеют надобности в этой добродетели, касающейся внешних отношений и носящей название справедливости.

XXII. Однако, чтобы уже более не возвращаться к сказанному, согласимся, что право существует не ради одной только пользы; нет столь могущественного государства, которое порою не испытывало бы нужды в содействии извне, со стороны других государств, как в области торговли, так и для отражения соединенных сил многих чужеземных народов; оттого мы видим, как даже самые могущественные народы и государи ищут заключения союзных договоров, которые лишены какой-либо силы, по мнению тех, кто ограничивает справедливость пределами каждого государства. Оттого-то, в самом деле, верно, что нельзя рассчитывать ровно ни на что, если только отклониться от права.

XXIII. Если же нет такого общественного союза, который мог бы сохраняться в безопасности без права — что Аристотель доказывал ярким примером шайки разбойников¹⁷, — то не подлежит сомнению, что и тот союз, в который объединяется род человеческий или же несколько народов, нуждается в праве; это было ясно тому, кто сказал, что не следует совершать бесчестные поступки даже ради блага отечества. Аристотель сурово порицает тех¹⁸, которые не терпят над собой никакой власти, кроме законной, и между тем нисколько не заботятся о том, правы они или нет в своих внешних сношениях с чужеземцами.

XXIV. Даже сам Помпей — чье противоположное нашему суждение мы уже приводили, — прочтя слова спартанского царя, утверждавшего, что наиболее благополучно то государство, границы которого образуют его копья и мечи, внес поправку, заметив, что то государство поистине счастливо, границы которого составляет справедливость. По этому поводу он мог бы сослаться на свидетельство того древнего спартанского царя, который предпочитал справедливость военной доблести¹⁹ на том основании, что доблесть должна руководиться известной справедливостью и что если бы все люди были справедливы, то не было бы надобности в мужестве. Самую же доблесть стойки определяли как добродетель, борющуюся за справедливость. Фемистий в речи, обращенной к императору Валенту, убедительно доказывает, что цари, каковые отвечают требованию мудрости, соблюдают интерес не только вверенных их попечению народов, но и всего человеческого рода; они, по его словам, — не только друзья македонян или римлян, но и друзья человечества²⁰. Ничто не сделало имя Миноса²¹ столь ненавистным для потомства, как именно обстоятельство, что для него справедливость ограничивалась пределами его собственного царства.

XXV. Невозможно не только согласиться с измышлением некоторых, будто во время войны прекращаются все права, но и даже не следует ни начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности. Правильно говорит Демосфен, что

война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке. Ибо ведь судебные формы действительны против тех, кто мнит себя слабее; против равносильных же или мнящих себя таковыми ведутся войны; но, разумеется, для того, чтобы война была справедлива, необходимо не менее тщательно следовать велениям совести, чем это обычно имеет место в судах.

XXVI. Итак, пусть же умолкнут законы на время военных действий, но только лишь законы внутригосударственные, а именно судебные, свойственные мирному времени, но не вечные и свойственные всяким временам. Превосходно ведь сказано Дионом Прусийским, что писаное, то есть внутригосударственное, право не имеет силы для враждующих сторон, но зато сохраняет силу право неписаное²², то есть предписанное самой природой или установленное взаимным соглашением народов. Этому же учит старая римская формула: «Эти вещи, я полагаю, должны быть добыты справедливой войной». Те же самые древние римляне, как заметил Варрон, предпринимали войны не спеша, избегая какого-либо произвола, так как они полагали, что следует вести только справедливые войны. Камилл говорил, что вести войны следует столь же справедливо, как и храбро. А Сципион Африканский утверждал, что римский народ и начинает войны, и доводит их до конца по справедливости. У одного автора можно прочесть, что «для войны, как и для мирного времени, существуют свои законы». А другой восхищается доблестью Фабриция, который сочетал в себе то, что всего труднее сочетать, а именно — бескорыстие на войне с убеждением в том, что существуют вещи, недопустимые даже по отношению к врагу.

XXVII. Какое значение имеет на войне соблюдение справедливости²³, это повсеместно показывают историки, которые зачастую приписывают одержанную победу именно этой причине. Отсюда-то и пошли пословицы, что силу солдата сокрушает или поднимает та или иная цель самой войны; что редко возвращается цел и невредим тот, кто начинает несправедливую войну; что надежда — спутница благого начинания, и иные в том же роде. Никого не должен вводить в заблуждение удачный исход несправедливых предприятий; достаточно того, что справедливая причина оказывает, бесспорно, огромное влияние на поведение, несмотря на то, что это влияние, как нередко бывает в делах человеческих, сплошь и рядом встречает на своем пути противодействие других сил. Даже для снискания дружбы, в чем народы нуждаются во многих случаях не менее, чем отдельные люди, немалое значение имеет молва о войнах, предпринятых обдуманно, согласно со справедливостью и проведенных с соблюдением правды. Ибо никто не станет легкомысленно заключать союз с кем-либо, кто заведомо ставит ни во что право, совесть и взаимное доверие.

XXVIII. Так как по приведенным основаниям я с давних пор был непоколебимо убежден в существовании в международных сношениях некоего общего права, сохраняющего силу для войны и во время войны,

то многие и немаловажные причины побуждали меня предпринять настоящий труд. Я был свидетелем такого безобразия на войне между христианами, которое позорно даже для варваров, а именно: сплошь и рядом берутся за оружие по ничтожным поводам, а то и вовсе без всякого повода, а раз начав войну, не соблюдают даже божеских, не говоря уже о человеческих, законов, как если бы в силу общего закона разнузданное неистовство вступило на путь всевозможных злодеяний.

XXIX. При виде такого бесчеловечного зрелища многие, в том числе наиболее достойные, пришли к тому заключению, что для христианина, который в особенности обязан относиться с любовью ко всякому человеку, воспрещена любого рода война²⁴. К ним, по-видимому, иногда присоединяются Иоанн Ферус и наш Эразм, вернейшие сторонники мира церковного и гражданского; но, мне думается, они мыслят так с тем расчетом, как это обычно делается, чтобы отклонением в одну сторону оттолкнуть вещь в противоположную сторону и тем привести ее в надлежащее положение.

Поистине самая эта попытка чрезмерного отклонения в противоположную сторону зачастую не только не способствует, но даже препятствует достижению цели, поскольку беспрепятственное обнаружение явной крайности подрывает доверие даже к таким суждениям, которые совершенно истинны. Поэтому излечение от обеих крайностей, по-видимому, нельзя искать ни во всеобщем запрете, ни в дозволении на все.

XXX. Вместе с тем теперь, когда мне осталось в удел лишь недостойное изгнание из отечества, столь прославленного моими трудами, мне захотелось усердными занятиями в частной жизни прийти на помощь юриспруденции, которой я служил прежде, насколько мог, честно, занимая общественные должности. Многие до сих пор предпринимали попытку придать этой отрасли научную форму, но никто не сумел сделать этого, да, по правде говоря, это и невозможно было выполнить иначе, как тщательно отделив то, что возникло путем установления, от того, что вытекает из самой природы; на подобное обстоятельство до сей поры как раз и не было обращено должного внимания. Ибо ведь то, что вытекает из природы вещи, всегда пребывает тождественным самому себе и потому без труда может быть приведено в научную форму; то же, что возникло путем установления, часто изменяется во времени и различно в разных местах, а потому и лишено какой-либо научной системы, подобно прочим понятиям о единичных вещах.

XXXI. Поэтому, если бы жрецы истинной справедливости предприняли попытку изложить отдельно естественную, неизменную часть юриспруденции, выделив то, что имеет источником свободную волю; если бы один из них излагал учение о законах, другой — о податях, третий — о должности судей, четвертый — об истолковании воли, пятый — о достоверности фактических доказательств, то из собрания всех частей могла бы получиться стройная система.

XXXII. Что же касается нас, то полагаем, что в настоящем труде, содержащем, без сомнения, важнейшую часть науки права, мы показали на деле, а не только на словах, каков надлежащий способ ее изложения.

XXXIII. Ибо в первой книге, изложив сначала учение о происхождении права, мы рассмотрим общий вопрос о том именно, может ли какая-либо война быть справедливой; затем, для различения понятий публичной и частной войны, мы считаем необходимым сначала выяснить самую природу верховной власти, какие народы, какие государи владеют ею всецело, какие — пользуются отчасти, какие — располагают верховной властью с правом отчуждения и какие — держат на ином основании; наконец, следовало сказать также об обязанностях подданных по отношению к правительству.

XXXIV. Во второй книге предпринято изложение всех причин возникновения войн; в этих целях подробно излагаются природа вещей, находящихся в общей собственности и составляющих предмет частной собственности, права лиц над другими лицами, обязанности, возникшие из права собственности, порядок престолонаследия государей, обязательства, возникающие из договора и соглашения, толкование силы союзных договоров и клятвенных обязательств как частного, так и публичного порядка, обязанность возмещения причиненного ущерба, особые преимущества послов, право, регулирующее погребения мертвых, природа наказаний.

XXXV. Содержание книги третьей составляет, во-первых, вопрос о действиях, дозволенных на войне; при этом различаются действия, только ненаказуемые или даже приравняемые к правовым в сношениях с чужеземными народами, и действия, совершенно правомерные. Наконец, следуют различные виды мирного состояния и всевозможные соглашения, обычно принятые на войне.

XXXVI. Все эти вопросы в моих глазах имеют тем большее значение, что, как я уже сказал, никто еще не трактовал этого предмета во всем его объеме, а те, кто делал это отчасти, оставляли многое усердию других. От философов древности ничего не сохранилось в этом роде: ни от греков, из которых один только Аристотель составил книгу под названием «О праве войны», ни от учителей раннего христианства, о чем приходится весьма сожалеть; от древних римских «книг фециалов» не сохранилось ничего, кроме их названия. Составители сборников юридических казусов, так называемых вопросов совести, наряду с прочими включили главы о войне, об обязательствах, о клятвах, о репрессалиях.

XXXVII. Я видел также книги, специально посвященные праву войны, одни написанные богословами, как Франсиско Витториа, Генрих из Горкума, Вильгельм Маттэи²⁵; другие — докторами права, как Хуан Лопец, Франсиско Ариас, Джованни да Леньяно, Мартино да Лоди. Однако все они по этому столь содержательному предмету сказали весьма немного; большинство же их сделало все это, смешивая и спутывая относящееся к естественному праву, к праву божественному, к праву народов, к внутригосударственному праву, к тому, что вытекает из канонных.

XXXVIII. То, чего преимущественно не доставало всем им, а именно — исторического освещения вопросов, этот пробел взялся восполнить ученейший Фор в некоторых главах своих «Семестров», но лишь в пределах поставленной им себе задачи и лишь в виде ссылок на авторитетные свидетельства; о том же более подробно пустился толковать Бальтазар Айала, приводя много примеров в пояснение некоторых общих положений, в особенности же — Альберико Джентили, тщательными трудами которого смогут воспользоваться многие другие, как и я, признаюсь откровенно, воспользовался ими; а то, что остается пожелать этому автору, по части способа его изложения, порядка расположения вопросов и различения отдельных видов права, я предоставляю собственному суждению читателей. Скажу только одно, что при разрешении спорных вопросов он обычно опирается на небольшое число не всегда достоверных примеров или даже на мнения современных юристов, изложенные в заключениях, большинство которых составлено в интересах их клиентов и не основано на естественных правилах правды и чести. Оснований разделения войн на справедливые и несправедливые Айала не коснулся; Джентили же по своему усмотрению наметил общее деление предмета на несколько высших родов, но он даже не затронул некоторых известных и часто встречающихся спорных вопросов.

XXXIX. Мы, со своей стороны, постарались не упустить ничего подобного, указав основания суждений, с помощью которых нетрудно найти решение тех вопросов, по которым у нас опущены некоторые подробности. Остается в немногих словах изложить, чем я мог воспользоваться и ради чего предпринял я настоящий труд. Во-первых, я ставил себе задачей подыскивать для положений естественного права доказательства, основанные на столь достоверных понятиях, чтобы никто не мог их опровергнуть без насилия над самим собой. Основные же начала естественного права, если обратить на них внимание должным образом, ясны и очевидны сами по себе почти так же, как и то, что мы воспринимаем нашими внешними чувствами, которые не вводят в заблуждение, если только органы чувств находятся в надлежащем порядке и все необходимые для них условия имеются налицо. Вот почему в «Финикиянках» Еврипид влагает в уста Полинника, чья правота должна быть для всех совершенно очевидна, следующие слова:

*Я все поведал, мать, не обинуясь,
Что по заветам правды-справедливости
Понятно всем, ученому и неучу²⁶.*

И тотчас же хор, состоящий из женщин, а именно — женщин варварского племени, произносит одобрительное суждение о речи Полинника.

XL. Для доказательства существования того же права я воспользовался свидетельствами философов²⁷, историков, поэтов и, наконец, ораторов, не потому, что следует принимать на веру безразлично все, что они говорят, ибо им приходится обыкновенно считаться с предрас-

судками своей школы, особенностями своего предмета или интересами защищаемого дела, но потому, что коль скоро многие, в разное время и в различных местах, утверждают одно и то же как нечто достоверное, то это следует отнести на счет одной и общей причины; а в занимающих нас вопросах эта общая причина единомыслия не может быть иною, кроме как вытекающей из начал природы или же из некоего общего согласия. Первым путем обнаруживается естественное право, вторым же — общее право народов; различие же между тем и другим определяется отнюдь не различием терминов, ибо авторы в разных местах нередко смешивают названия естественного права и права народов, но именно качествами самого предмета. Ибо если какое-либо положение не может быть выведено из достоверных начал с помощью столь же достоверного умозаключения и тем не менее оказывается, что оно повсюду соблюдается, то отсюда следует, что оно своим источником имеет свободную волю людей.

XLI. Вот почему я старался эти два вида права не только тщательно различать между собой, но и отличать их от права внутригосударственного. Мало того, в праве народов я отличаю то, что подлинно во всех отношениях и по существу есть этого рода право, и то, что имеет лишь только некоторую внешнюю видимость этого исконного права, поскольку, например, воспрещено сопротивление силой или же, наоборот, существует обязанность самообороны повсюду, даже с помощью государственной военной силы, ради какой-нибудь пользы или хотя бы во избежание более тяжких неудобств. Насколько необходимо иметь в виду такое различие в ряде случаев, это выяснится в самом тексте настоящего труда. Не менее тщательно мы старались отделить то, что относится к праву в строгом и собственном смысле, откуда, например, возникает обязанность возмещения ущерба, и то, что признается правомерным, поскольку иной образ действия противоречит какому-нибудь иному предписанию правого разума; но на этом различии мы уже останавливались выше.

XLII. Среди философов заслуженное первенство имеет Аристотель благодаря систематическому порядку изложения предмета, его тонкости и силе в различении понятий, а также силе и вескости доказательств. Можно только пожалеть о том, что это первенство в течение нескольких последних столетий выродилось в тиранию, так что самая истина, которой Аристотель служил со всей преданностью, не испытывала более тяжкого гнета, как во имя того же Аристотеля. Здесь, как и в прочем, я следую свободе древних христиан, которые не клялись именем никакой философской школы, не потому, что они были согласны с теми, кто полагал, что ничего нельзя познать — мысль, бессмысленнее которой нет ничего на свете, — но потому, что, по их мнению, нет такой философской школы, которой была бы доступна вся истина, хотя и нет такой, которая не содержала бы частичной истины. Ведь они, на самом деле, полагали, что если собрать воедино истины, рассеянные по отдельным философам и по философским школам²⁸, то должно получиться не что иное, как подлинное изложение самого христианского учения.